

Не в коня рост

Почему жонглирование триллионами госинвестиций не улучшит качества жизни людей ни до, ни после 2030 года

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

13:09, 1 марта 2024,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Когда власть рассказывает нам, как мы будем жить в 2030 году и дальше, мы должны спросить себя, как мы живем сейчас, и оценить не только обещания власти, но и свои личные возможности. И обещания власти — самые благие — могут не совпадать с возможностями людей.

Большие расходы

Экономика — штука инерционная, на долгосрочном периоде она вообще почти никак не зависит от усилий правительства, которое в лучшем случае может не мешать ее росту.

Правительство может «подтолкнуть вверх» отдельные отрасли экономики, перераспределить ресурсы, обеспечить решение каких-то вопросов, но в целом экономика — это больше, чем государство, а объем средств в распоряжении людей больше, чем объем средств в руках правительства.

Озвученные политическим руководством цифры грядущих правительственных расходов на пять лет, конечно, могут поразить воображение, но, при сопоставлении их с расходами бюджета в целом, они не кажутся какими-то запредельными

В 2025–2030 годах предполагается тратить дополнительно порядка 1 трлн руб. в год, без учета таких расходов, как:

- списание регионам двух третей бюджетных кредитов, суммарный объем которых на начало 2024 года составлял порядка 2,5 трлн. руб. — эти деньги и погашаемые инфраструктурные кредиты планируется вновь направлять на региональные инфраструктурные проекты;
- выделение 4,5 трлн руб. на обновление инфраструктуры ЖКХ (речь шла о государственных и частных средствах).

Таким образом, объем дополнительных расходов бюджета может находиться в интервале от 1,2–1,4 трлн (без учета ЖКХ)

до более чем 2 трлн руб. в год (100% расходов на ЖКХ за счет бюджета), всего же (считая до 2030 года) бюджет может принять на себя дополнительные обязательства на сумму от 7,5 до 12 трлн руб. за 6 лет.

Сколько это будет в процентах от ВВП? Официального прогноза роста экономики дальше 2026 года у нас нет, но если принять, что до 2030 года экономика будет расти такими же темпами, как в период с 2024 по 2026 год, то ежегодные дополнительные траты могут составить от 0,5 до 1,1% ВВП.

Согласно обещаниям политического руководства, эти деньги пойдут на социальную поддержку и обеспечение роста доходов отдельных категорий бюджетников, развитие инфраструктуры (транспорт, промышленность, соцобъекты и ЖКХ), технологическое развитие (создание «собственных» технологий в первую очередь) и поддержку науки, развитие экономики данных и искусственного интеллекта, поддержку несырьевого экспорта, замену технологий и товаров из стран, с которыми РФ не может поддерживать коммерческие отношения на товары/технологии из других стран или на свои собственные (то, что у нас называется «импортозамещение»), поддержку малого бизнеса, внутренний туризм и развитие финансового рынка как одного из источников средств для финансирования выполнения правительственных задач.

Генеральный директор АО «ДОМ.РФ» Виталий Мутко. Фото: Глеб Щелкунов / Коммерсантъ

Расходовать средства будут в рамках серии национальных проектов, проектов, запущенных еще в 2018 году и скомпонованных по направлениям «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Теперь к ним добавились проекты «Молодежь России» и «Кадры».

Здесь важно понимать, что «новые» расходы так или иначе перекликаются со «старыми».

Например, в 2024 году заканчивают свой жизненный цикл национальные проекты: «Здравоохранение» и «Демография».

Финансирование нацпроекта «Здравоохранение» за пять лет составило в сумме 1,3 трлн рублей. Таким образом, когда фактически мы слышим слова о направлении более 1 трлн рублей на объекты здравоохранения, речь в действительности идет о поддержании финансирования здравоохранения на том же уровне (минус инфляция и сохраняющиеся еще затраты на замещение утраченных «импортных» лекарственных препаратов и медицинских технологий). Это, безусловно, лучше, чем отсутствие такого финансового потока, но важно понимать, что бюджет 2024 года не предусматривает какого-то значимого роста расходов на здравоохранение.

Цели достижимые и — нет

Расходы правительства не являются самоцелью, они должны привести экономику к каким-то значимым результатам. Чтобы понять, насколько эти результаты достижимы, надо попытаться оценить предыдущую динамику по аналогичным целям.

Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ

Например, что означает заявление о росте инвестиций в ключевых секторах на 70% в 2030 году?

- Во-первых, неясно, какие «сектора» можно считать ключевыми (скорее всего, речь идет о секторах, ориентированных на «выполнение задач»).
- Во-вторых, это значит, что в течение прогнозного периода инвестиции должны расти на 7,8% в год. За последние 10 лет инвестиции в среднем росли на 1,7% в год, в последние годы — в первую очередь за счет госинвестиций, а исходная цель по общей доле инвестиций в ВВП — 25%, озвученная в 2018 году, — не была достигнута ни разу (в 2023 году она была на максимуме — 22,4%).

С другой стороны, заявлен рост выпуска/экспорта продукции агропромышленного сектора 25/50% к уровню 2021-го. За 2022–2023-й выпуск в сельском хозяйстве увеличился на 11%, поэтому

оставшиеся 13% роста на 8 лет потребуют скромных 1,5% роста в год. Что вполне реалистично. Что касается планов по экспорту: в 2018-м для агропромышленного комплекса была поставлена цель по росту с \$25 млрд до \$45 млрд в 2024 году (цель была почти уже достигнута в 2023 году, экспорт составил \$43,5 млрд, правда, без учета долларовой инфляции).

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Хуже получилось с несырьевым неэнергетическим экспортом (ННЭ). В 2018 году «всего, что не нефть/газ» было продано на \$150 млрд, и исходный план в 2018-м предполагал, что к 2024-му ННЭ составит \$250 млрд. Но что-то пошло не так,

в 2023-м ННЭ сократился на 25% — до \$146 млрд, поэтому заявленное повышение ННЭ на 2/3 к 2030 году означает выход на сумму \$243 млрд, что даже ниже исходной цели 2018 года. И это, как мы помним, без учета инфляции доллара.

Рост где-то там...

В то же время заявлена и по-настоящему «большая цель» с точки зрения экономики — это стать четвертой экономикой мира. А что, World Bank тоже так думает: согласно базовым прогнозам Всемирного Банка, к 2030 году РФ по объему ВВП по ППС обгонит Японию. Почему бы, например, не поставить задачу, повысить не общий, а подушевой ВВП вместе с подушевыми реальными доходами россиян, а то по этому показателю РФ находится в шестом десятке стран.

Но тут вот такая проблема. Напомню, что экономический рост — инерционная вещь, и разогнать его денежной накачкой отдельных отраслей не получается.

Если взглянуть на индекс промышленного производства в Российской империи — СССР — России с 1861 по 2012 год (он был опубликован в книге экономиста С.В. Смирнова «Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012»), то сразу заметно, что революция, войны и смены социально-экономических формаций приводили лишь к кратким (по историческим меркам) отклонениям от полуторавекового тренда. Российская экономика прибавляла по полтора процента в год. За исключением периодов восстановительного роста, когда люди компенсировали своим трудом провалы предыдущих лет.

На долгосрочных интервалах экономика — что ты с ней ни делай — будет двигаться вперед в соответствии со своими

а) естественными ресурсными ограничениями и

б) имеющимися на данный момент технологиями.

И всё.

Правительство, надо отдать ему должное, прекрасно это понимает.

Первый вице-премьер Андрей Белоусов, выступая на форуме «Предпринимательство в России: достижения сектора», сказал, что шестилетний план правительства в сфере экономики разбивается на два этапа «первый — это структурная перестройка с ежегодным ростом 2%. На втором этапе мы выйдем на прирост в 3%, мировая экономика в среднем растет на 2,5% по году». «Экономический рост в 2,5–3% может быть только инвестиционно-активным, с превышением темпов роста инвестиций над темпами роста ВВП», — добавил первый вице-премьер (цитата по Интерфаксу).

И в тот же день, когда вице-премьер объяснял планы правительства по запуску экономического роста, было опубликовано резюме дискуссии совета директоров ЦБ РФ по поводу ключевой ставки, завершающееся вот такой фразой: «Российская экономика с учетом проводимой денежно-кредитной политики вернется на траекторию сбалансированного роста к 2026 году».

Фото: Александр Манзюк / Коммерсантъ

То есть, спросит читатель, получается, что сейчас «траектория роста экономики» у нас НЕсбалансированная?

Нет, конечно (потому, кстати, она и показывает номинальный рост).

Что такое «сбалансированный рост экономики»?

Это такой рост, при котором вы НЕ изымаете дополнительные ресурсы из потребительского сектора и удерживаете распределение инвестиций постоянным.

А НЕсбалансированный рост — это такой, как сейчас при «структурной трансформации», когда растет доля средств

(инвестиций), перераспределяемая в «промышленность, ориентированную на выполнение задач правительства» (скажем так).

В чем проблема с таким «несбалансированным ростом»? В том, что он рано или поздно упирается в ограничение трудовых ресурсов, и рост производства — по крайней мере в одном из секторов (потребительском или «производственном») — останавливается.

Росстат не даст соврать: по его данным, российское промышленное производство с исключением сезонного и календарного эффекта с мая 2023 года по январь 2024 года не изменилось, причем добыча полезных ископаемых сократилась на 1,7%, а обработка выросла на 0,8%. То есть импульс бюджетной накачки промышленности был исчерпан примерно в начале лета 2023 года.

Все это может означать, что в своей нынешней конфигурации экономика достигла производственного, ресурсного и кадрового предела.

Правительство это понимает, и вице-премьер Белоусов говорит, что «без повышения производительности труда мы не сможем преодолеть трудовые ограничения, и реальный рост зарплат должен быть привязан к росту производительности труда, иначе возникают избыточные затраты».

Но есть проблема: у предприятий, «выполняющих задачи», нет (и не может быть) мотивации к трудосберегающим инновациям, да и в целом такие мотивы чужды экономике, организованной под перераспределение ресурсов правительством и их мобилизацию.

Значит, придется так или иначе «нажимать на труд»: снижать его стоимость за счет расширения предложения труда со стороны мигрантов (как вариант), роста инфляции, снижения качества товаров, оплаты труда «подакцизными товарами» — вот как в СССР часть «труда» фактически оплачивали «подакцизной водкой», каких-то вариантов ограничения потребления или введения дополнительных налогов на потребление для того, чтобы мотивировать людей «работать больше за те же деньги».

Поэтому рост ВВП в таких условиях может не означать роста благосостояния — и простых, «измеримых» целей вроде роста товарного потребления домохозяйств и не ставится.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Долгое короткое время](#)

Как российские аналитики видели экономику страны до 2022 года — и как они видят ее сейчас

13:27, 24 февраля 2024, Дмитрий Прокофьев